

I.G.Gulyakova
St. Petersburg State University

Конец жанра

До недавнего времени обращение к исследованию эпистолярного жанра не носило такого активного характера, какой оно приобретает теперь. Появилось множество статей и несколько диссертаций, исследующих различные аспекты этого жанра, рассматривающих письма разных периодов¹. Тем не менее, тема эта далеко не исчерпана.

Письмо - это непосредственное отражение естественного коммуникативного акта, реализующегося в наиболее прямой форме и не отягощенного жанровыми ограничениями, которые накладываются всеми остальными разновидностями творческой деятельности. Даже при изложении сугубо специальных вещей, адресуясь к близкому человеку, автор письма вносит в него элементы интимизации и популяризации. Форма письма позволяет его создателю (адресанту) достаточно идентично отражать действительность, судить о ней и высказывать свое мнение объекту внимания (адресату), на чье понимание и сопереживание он может рассчитывать. Учет адресата обуславливает широкий выбор для привлечения различных контактоустанавливающих средств.

Сам концепт письма оказал существенное влияние на становление русской словесной культуры. При этом сразу наметились две линии: письмо как бытовая и частная проза (то, что не предназначалось для печати) и письмо как жанр художественной литературы и публицистики. Мы будем говорить сегодня о частном и публицистическом письме.

Различие между частным и публицистическим письмом определяется прежде всего фактором адресанта и состоит в том, что, хотя автор и повествователь декларируются в письме как одно лицо, в первом случае это частное лицо, а во втором - социально заданное, детерминированное временем. Еще в большей

степени различие касается адресата письма: это коллективный адресат у публицистического и индивидуальный - у частного, хотя установка на прочтение письма кем-то помимо адресата в какой-то степени присутствует и в частном письме (это или учет как перлюстрации, так и случайной возможности попадания письма в чужие руки, или просто прямой расчет на будущую публикацию).

Письмо художественное и публицистическое складывается под влиянием книжной речи, впитывая при этом элементы бытовой речи, между тем как бытовое и частное письмо, наоборот, окультуриваясь за счет книжной речи, питается соками разговорного языка.

В любом случае, оба типа писем взаимопересекаются, взаимообогащаются, элементы публицистики проникают в частное письмо, и наоборот.

Поясним сказанное рядом конкретных примеров.

Современная русская проза, возникшая на рубеже 18-19 веков, в какой-то мере началась с эпистолярного жанра. Я имею в виду "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина, замечательную книгу, явившуюся результатом путешествия молодого тогда писателя по странам Европы. Делая в пути записи увиденного и услышанного, фиксируя свои впечатления и размышления, Карамзин облек их в форму дорожных писем, адресованных друзьям. Имитируя их частный, так сказать, практический, а не художественный характер, Карамзин подчеркивал тем самым непосредственность записей своих впечатлений. "Рекомендуя свое произведение как собрание бытовых документов - частных писем Путешественника друзьям, Карамзин стремился сосредоточить внимание читателей на их документальности. "Письма" представляли как исповедальный дневник русского человека, попавшего в ... неизвестный им мир духовной и общественной жизни европейских стран" ².

"Письма русского путешественника" возникли в русле европейской традиции (возьмем, например, "Новую Элоизу" Ж.-Ж. Руссо, роман в письмах, где эпистолярный жанр давал возможность интимного выражения мыслей и чувств персонажей).

В русской культуре эта традиция нашла весьма своеобразное преломление.

В 1829-1831 годах создаются "Философические письма" П.Я. Чаадаева - религиозно-философский трактат, также представленный в виде писем, что позволило легендарному уже при жизни вольнодумцу высказать свои суждения о социальном, умственном и духовном состоянии России, дать оценку ее прошлого, настоящего и будущего, а также в доступной широкому читателю форме сформулировать важнейшие религиозные, философские, историософские и социальные идеи.

Эпистолярный текст в России 19 века выполняет роль своеобразной трибуны, с которой писатель прямо и непосредственно декларирует свои убеждения.

Таковы "Выбранные места из переписки и друзьями" Н.В. Гоголя. Обращение к гипотетическим адресатам здесь приобрело открытую монологическую форму, форму проповеди, наставления, укора, обусловило полемический и дидактический характер этого произведения.

Переписка Герцена и Огарева, регулярно публикуемая в "Полярной звезде" и "Колоколе", представляет собой новый для русской культуры тип общения: письма, спровоцированные общественной мыслью и пробуждающие, в свою очередь, общественное сознание.

В русской традиции частное письмо также нередко выходило за свои пределы и становилось формой обнародования своих мыслей.

Например, "Письма из Сибири" декабриста Лунина, адресованные его сестре, воспринимаются как прямая публицистика и представляют собой подлинный документ отечественной истории и культуры, демонстрирующий духовную и интеллектуальную независимость ее автора, сохранившего их в условиях неволи, творящего с завязанным ртом и в кандалах.

Эта традиция продолжилась и в 20-м веке.

Так, скажем, письма узника советской эпохи Андрея Синявского из Дубравлага по их общественной значимости сопоставимы с "Письмами из Сибири" декабриста Лунина. Поскольку литературная деятельность для опального писателя была запрещена, Синявский воспользовался возможностями переписки и, так как ограничение в переписке касалось только количества, но не объема писем, посылал

М.В. Розановой целые папки текстов. "Начальство никак не поощряет порочную склонность к писательству у тех, кто уже получил за нее то или иное количество лет заключения. Единственная узаконенная в лагере форма сочинительства (не считая прошений и доносов) - это письма к ближайшим родственникам" ³. Из Мордовии в Москву регулярно (2 раза в месяц) поступало по 15-20 страниц текста, написанного убористым почерком. 2 письма в месяц - 24 в год - итого свыше 1500 страниц за пять с половиной лет. Так родилась знаменитые книги "Прогулки с Пушкиным", "В тени Гоголя" и "Голос из хора", которой предпослано следующее посвящение: "Моей жене Марии посвящаю эту книгу, составленную едва ли не полностью из моих писем к ней за годы заключения (1966-1971)".

Экстралингвистическая ситуация в России всегда была такова, что и в частных письмах неизменно присутствовал социальный компонент. Письмо, написанное в условиях несвободного общения с учетом перлюстрации, присутствия "третьего глаза", необходимости соблюдения осторожности наложило особый отпечаток на частную переписку в России от Пушкина до переписки советского периода. Элементы диссидентствования, внутренняя эмиграция, порожденные обстановкой всеобщей подозрительности, придавали частному письму некий подтекст.

В качестве примера может послужить одно из писем известного советского композитора Дм. Шостаковича другу И. Гликману, писанное в день празднования 40-летия Советской Украины. Слишком подробное и добросовестное перечисление фамилий вождей, глядящих с праздничных транспарантов, рассчитанное на досмотр соглядатая и доведенное до абсурда, должно было породить обратный эффект - подчеркнуть тупость и косность традиционных клишированных здравниц.

В условиях советской (постсталинской) действительности публицистическое письмо перерождается, утрачивает личностную ориентацию, выхолащивается. Как сугубо советский феномен появляется новая разновидность жанра - переписка с властью; новые типы письма - обвинительное письмо и как контрпример - публичное покаянное письмо; новое понятие - подписант.

С другой стороны, частное письмо становится выразителем неких общих идей, так называемого коллективного когнитивного пространства (Гудков).

Сегодня, вступая в 21 век, принято подводить итоги, обобщать накопленный опыт, делать прогнозы на будущее. Возникает вопрос: какое же состояние переживает эпистолярный жанр при тех способах электронного общения, которые предлагает нам наше время? Значит ли, что письмо в его традиционном виде умирает?

Один из симптомов утраты актуальности явления - превращение его в игру и, как следствие, - переход к детям. Вспомним знаменитых "Робинзона Крузо" и "Гулливера", в контексте викторианской эпохи представлявших собой глубокие философские и политические сочинения, поднимавшие животрепещущие вопросы просвещения, воспитания и общественного устройства, и, как только решение этих вопросов в том виде, в каком оно дано в этих произведениях, перестало быть актуальным для взрослой аудитории, перешедших в разряд детской литературы, воспринимаемых сейчас как поучительные приключения, занимательная фантазия, увлекательная игра.

Показательна в этом смысле опубликованная в 1998 году в Москве переписка двух критиков-литературоведов Вячеслава Парщикова и Алексея Курицына, довольно "искусственная" переписка, являющая собой образец некоей литературной игры и имеющая целью большей частью самолюбование, наслаждение умом друг друга и интеллектуальный эпатаж публики. Такой эпистолярный декаданс, маньеризм, выламывание - явный показатель конца.

Итак, мы присутствуем при закате жанра. Жанр письма уходит, т.к. меняется система общения в обществе. Однако этот факт вовсе не означает его полное вытеснение, а, возможно, лишь видоизменение, мутацию, приспособление к новым техническим условиям.

В письме очень значимы невербальные компоненты, такие, как размер и качество бумаги, цвет чернил, почерк, форма конверта, которые сейчас становятся менее важными. При электронном общении происходит лишение опоры на традицию, нивелирование, отчуждение. Электронное письмо нельзя подержать в руках, поцеловать, его нельзя хранить в шкатулке, перечитывать. Письмо на бумаге само по себе было знаком. Электронное письмо лишено этой возможности в силу отсутствия материального носителя.

Есть определенная знаковость в том, что букеровским финалистом конца 20-го века оказался роман в письмах - роман Александра Морозова "Чужие письма" (Букер, 1998), своеобразный парафраз "Бедных людей" Достоевского, перенесенных в атмосферу 60-70-х годов 20 века. Круг замкнулся.

Нам представляется естественным, целесообразным и закономерным, вполне в духе времени, исследовать опыт, накопленный эпистолярным жанром к концу 20-го века, посмотреть, как он проявляет себя на заключительном этапе своего существования.

Интересные наблюдения ждут нас и в области языка. В 20-м веке в сознание начинает внедряться мысль, что речевые достижения характерны не только для сферы художественной литературы, но и для других сфер речевой практики. Если первая половина 20 века, как показывают исследования, прошла в основном под знаком классической литературы, то вторая половина представляет собой качественно новый этап развития языка; есть предположение, что он во многом находится под влиянием не художественной речи, а различных видов деловой и разговорной прозы. В письмах этого времени динамика языковых процессов должна проявиться особенно отчетливо.

В частном письме мы наблюдаем как воспроизведение стилевой манеры, характерной для массового текста, давление официальной нормы речевого поведения, так и проявление личностного, индивидуально-авторского начала.

Итак, мы можем констатировать, что эпистолярный этикет, некогда строго соблюдаемый, исчезает; письмо в его традиционном виде уходит, при этом видоизменяясь. Изучение этих процессов представляет несомненный интерес и позволит увидеть перспективы новых форм выражения человеческих отношений.

Примечания

¹ См. Бухаркин П.Е. Письма русских писателей 18 в. и развитие прозы (1740-1780). АКД, Л., 1982; Данкер З.М. Функционально-семантическая организация текста частного письма. АКД, Спб., 1992; Белунова Н.И. Дружеские письма русской интеллигенции конца XIX -начала XX в. Спб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000.

² Макогоненко Г.П. Николай Карамзин и его "Письма русского путешественника". - В кн.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1980, с. 13-14.

³ И.Голомшток. Послесловие к книге "Голос из хора". Лондон, Стенвалли, 1973, с.331.